

Ноября 20 (3 декабря)

Священномученик
Владимир Медведюк
преподобномученица
Татиана (Фомичева)

Священномученик Владимир родился 15 июля 1888 года на территории современной Польши в городе Луков Седлецкой губернии в благочестивой семье железнодорожного рабочего Фаддея Медведюка. Умирая, отец сказал сыну Владимиру: «Дитя мое, как хотелось бы мне видеть тебя священником или даже псаломщиком, но только служителем Церкви». Сын ответил ему, что это является также и его желанием.

Окончив в 1910 году духовное училище, Владимир служил псаломщиком в Радомском соборе в Польше. Мирное течение жизни было прервано Первой мировой войной, и Владимир Фаддеевич, как и тысячи других, оказался в положении беженца. Приехав в Москву, он познакомился с Варварой Дмитриевной Иванюкович, которая происходила из глубоко верующей семьи из Белоруссии и так же, как и он, была беженкой. В 1915 году они повенчались.

В 1916 году Владимир Фаддеевич был рукоположен во диакона ко храму мученицы Ирины, что на Воздвиженке в Москве. Здесь он прослужил до 1919 года и был рукоположен во священника ко храму Саввинского подворья на Тверской улице. В 1921 году он был назначен настоятелем храма святителя Митрофана Воронежского в Петровском парке в Москве.

С первых дней служения в храме святителя Митрофана отец Владимир стал пытаться наладить приходскую жизнь. В том океане страстей, бед и страданий, который представляла собой в это время советская Россия, для верующих этот приход стал островком любви. Молодой священник ревностно отнесся к своим пастырским обязанностям, и к нему сразу потянулась верующая молодежь, которой он старался привить любовь к православному богослужению и храму. В храм святителя Митрофана часто приезжали хоры из разных церквей, что привлекало многих молящихся и любителей церковного пения, так что бывали случаи, когда храм не мог вместить всех желающих.

Во время разгула обновленчества, когда раскольники при помощи безбожных властей дерзко захватывали храмы, отец Владимир, чтобы избежать такого самочинного захвата, сам запирал после богослужения двери храма и уносил ключи домой. Увидев, что не могут захватить храм без согласия на это священника, обновленцы пригласили отца Владимира к обновленческому епископу Антонину (Грановскому); тот, потребовав у священника ключи от храма, закричал на него:

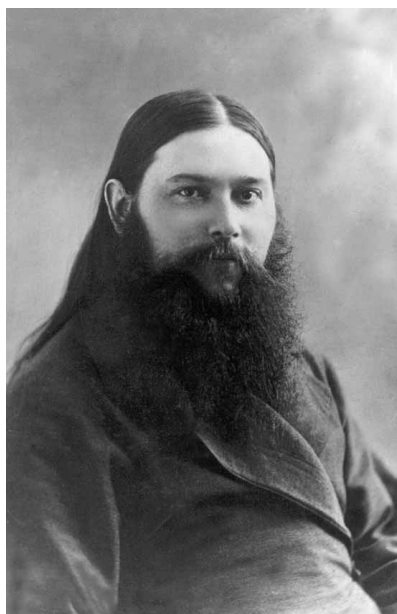
– Отдай ключи!

– Не отдам, владыка, не отдам! – ответил отец Владимир.

– Убью! Как собаку убью!

– Убейте, – ответил священник. – Перед престолом Божиим мы с вами вместе предстанем.

– Ишь, какой! – сказал епископ Антонин, но настаивать больше не стал. И храм не удалось захватить обновленцам.

Священник Владимир Медведюк

В 1923 году отец Владимир был награжден камилавкой. В 1925 году власти арестовали священника и, предъявив ему обвинения, стали угрожать заключением в концлагерь. Освободиться, по их словам, можно было лишь согласившись на сотрудничество с ОГПУ. Отец Владимир дал согласие на это и был освобожден. ОГПУ давало ему какие-то задания, в основном касающиеся Местоблюстителя митрополита Петра, которые он исполнял, но чем дальше, тем больше он входил в разлад с совестью и тем мучительнее переживал свое положение. Ни ревностное служение в храме, ни пастырская добросовестность не могли утишить этой жгучей душевной боли. В конце концов отец Владимир решил прекратить свои отношения с ОГПУ в качестве секретного сотрудника и исповедал грех предательства духовнику. 9 декабря 1929 года следователь ОГПУ вызвал его повесткой в один из кабинетов на Большой Лубянке и потребовал от него объяснений. Отец Владимир заявил ему, что отказывается от дальнейшего сотрудничества. В течение трех суток его уговаривали переменить свое решение, но отец Владимир на это не согласился, заявив, что он все равно уже рассказал обо всем священнику на исповеди. 11 декабря был выписан ордер на его арест, и ему было предъявлено обвинение в «разглашении... сведений, не подлежащих оглашению». 3 февраля 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила отца Владимира к трем годам заключения в концлагерь, которое он отбывал на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

Семья его в это время была выселена из церковного дома и осталась без крова. Этому всего более опасался священник. Находясь в заключении, он стал усердно молиться преподобному Сергию и его родителям, схимонаху Кириллу и схимонахине Марии, чтобы их молитвами семья нашла себе пристанище. И они нашли себе кров в Сергиевом Посаде. Вначале им помогла в этом Ольга Серафимовна Дефендова, известная в свое время благотворительница, которая в двадцатые годы ухаживала в Николо-Угрешском монастыре за больным митрополитом Макарием (Невским).

В 1930 году на праздник Воздвижения Креста Господня сын отца Владимира Николай пошел в Ильинский храм в Сергиевом Посаде. Когда он подошел к елеопомазанию, настоятель храма отец Александр Маслов сказал ему:

– Я вас, молодой человек, первый раз вижу в нашем храме.

– У нас, батюшка, большое горе, – сказал Николай. – Нас пять человек осталось, папу взяли. Вот мама с Ольгой Серафимовной ходили два дня по городу. Как узнают, что пять человек детей, никто не пускает на квартиру. Не знаем, что делать.

Отец Александр подозвал одну из прихожанок и сказал ей:

– Надежда Николаевна, у вас самих большое горе, вы должны понять и принять эту семью.

– Благословите, – ответила она.

Так они оказались в семье Аристовых; глава семьи, диакон Вознесенской церкви, за несколько месяцев перед этим был арестован и расстрелян. Этот дом стал пристанищем для семьи отца Владимира на многие годы. После окончания в 1932 году срока заключения отец Владимир поселился вместе с семьей в Сергиевом Посаде, а служить ездил в Москву в храм святителя Митрофана. В 1933 году храм был закрыт властями, и отец Владимир получил место в Троицком храме в селе Язвище Волоколамского района.

В 1935 году отец Владимир был возведен в сан протоиерея. В Язвище ему дали для жилья небольшую, в два окна, церковную сторожку, куда переехала вся семья. Жить было тесно, но у прихода не было другого помещения. Однажды к ним пришел сосед, живший напротив, и сказал: «Отец Владимир, предлагаю вам свой дом. Живите сколько хотите, мне ни копейки от вас не надо». В доме этого благодетеля семья протоиерея Владимира прожила десять лет.

В то время в Волоколамском районе жили многие из тех, кто вернулся из ссылки и кому было запрещено жить в Москве. Среди других в Волоколамске жил протодиакон Николай Цветков, которого верующие почитали за подвижническую жизнь и прозорливость. Протоиерей Владимир часто ходил к нему для разрешения тех или иных затруднительных вопросов. Однажды протодиакон Николай попросил его послужить ночью у него в доме. Окна были плотно занавешены. Они облачились; было всего несколько человек молящихся. И вдруг во время службы кто-то постучал в окошко. Память о тюремном заключении и лагере была еще свежа, и отец Владимир стал снимать облачение. «Отец Владимир, не малодушествуйте, стойте как стояли. Сейчас мы узнаем», – сказал отец Николай. Оказалось, что это постучал случайный путник, который хотел узнать, как проехать на станцию.

Последний раз отец Владимир пришел к протодиакону Николаю весной 1937 года, чтобы поздравить его с днем тезоименитства. Но тот даже не вышел, только из-за двери сказал: «Христос воскрес!» – и все. Отец Владимир попросил послушницу праведника сказать ему, что это отец Владимир из села Язвище пришел поздравить его с днем Ангела. Она все передала, и отец протодиакон повторил ей: «Скажи ему: воистину воскрес!» Отец Владимир расстроился, так как понял, что это было сказано прозорливым старцем в том смысле, что они больше в этой жизни не встретятся.

Летом 1937 года начались массовые аресты. В ноябре протоиерей Владимир ездил в Москву и, когда вернулся, сказал, что уверен, что его вскоре арестуют. «Не ссылки и смерти я боюсь, – сказал он, – боюсь этапов, когда гонят заключенных по несколько десятков километров в день, и падающих, обессиленных конвоиры добивают прикладами, и звери потом терзают их трупы».

*Священник Владимир Медведюк
Москва. Тюрьма ОГПУ. 1929 год*

11 ноября 1937 года в районное отделение НКВД Волоколамска поступила докладная записка о том, что в селе Язвище было проведено собрание, на котором почти не было молодежи. И будто потому ее не было, что сын протоиерея Владимира Николай собрал неподалеку от избы-читальни, где проходило собрание, домовник, и вся молодежь пошла туда. В записке также утверждалось, что к священнику ежедневно приходит до двадцати человек, в основном старух и стариков из разных колхозов Волоколамского и Новопетровского районов. 24 ноября 1937 года был выписан ордер на арест священника.

25 ноября отец Владимир собирался служить заказную заупокойную литургию и накануне вечером, стоя у окна в своей комнате, вычитывал священническое правило. В доме, кроме семьи священника, находились две монастырские послушницы, Мария Брянцева и Татьяна Фомичева, которые после закрытия монастыря жили при Троицкой церкви в Язвище, исполняя послушания псаломщицы и алтарницы. Они в этот вечер помогали супруге священника рубить капусту. Вдруг отец Владимир увидел, что мимо его окна идут председатель сельсовета и милиционер. «Кажется, сейчас за мной придут», – сказал отец Владимир дочери. Через несколько минут они были уже в доме. «Дойдем до сельсовета, надо кое-что выяснить», – сказал один из них. Отец Владимир стал со всеми прощаться, причем сотрудник НКВД нарочито его торопил, говоря, что он скоро вернется. Но отец Владимир знал, что уже никогда не вернется, всех благословил и сказал дочери: «Вряд ли, деточка, мы теперь увидимся». Тогда же вместе с ним были арестованы послушницы Татьяна и Мария.

В тот же день супруга священника Варвара Дмитриевна собрала передачу и понесла в сельсовет, но ее не допустили к мужу, а сказали, что придут к ней вечером с обыском. Поздно ночью пришел тот же сотрудник НКВД и с яростным шумом стал производить обыск. Трещали полки, падали книги. Обыск свелся к тому, что он взял все, что попало под руку, и побросал без описи в мешки.

Допросы начались почти сразу после ареста. 26 ноября были вызваны председатель сельсовета, участвовавший в аресте священника, секретарь сельсовета и «дежурные свидетели», которые подписали показания, написанные следователем. В тот же день был допрошен протоиерей Владимир.

– Следствие располагает данными, – заявил следователь, – что вашу квартиру часто посещают монашки и верующие из окружающих селений Волоколамского и Новопетровского районов. Дайте показания по этому вопросу.

– Фомичева и Брянцева мою квартиру посещали, но очень редко. Верующие мою квартиру посещают только с требой.

– Следствию известно, что у вас на квартире устраиваются сборища. На сборищах вы обсуждаете политику партии и советской власти.

– Сборищ у меня на квартире никогда не было.

– Следствие располагает данными, что вы среди окружающих вас лиц занимаетесь контрреволюционной и антисоветской агитацией.

– Контрреволюционной и антисоветской агитацией я не занимался.

– Вы показываете ложно. По вашему делу допрошен ряд свидетелей, которые подтверждают вашу контрреволюционную и антисоветскую агитацию. Следствие требует от вас правдивых показаний.

– Еще раз заявляю, что контрреволюционной и антисоветской агитацией я никогда не занимался.

В тот же день были допрошены послушницы Мария Брянцева и Татьяна Фомичева.

Послушница Мария родилась в 1895 году в селе Северово Подольского уезда Московской губернии в семье крестьянина Григория Брянцева. Хозяйство у отца было небольшое – дом с надворными постройками, два сарая, амбар, лошадь и корова. В 1915 году, когда девушке исполнилось двадцать лет, она поступила послушницей в монастырь. После революции подвизалась в Борисоглебском монастыре в Воскресенском уезде до его закрытия в 1928 году. В этом же году она выехала на родину в Подольский район.

Послушница Татиана родилась в 1897 году в селе Надовражное неподалеку от города Истра Московской губернии в семье крестьянина Алексея Фомичева. В 1916 году она поступила послушницей в монастырь и после революции была на послушании в Борисоглебском монастыре. В 1928 году власти закрыли монастырь, и она переехала к родителям в село Надовражное.

В 1931 году власти начали преследовать монахов и монахинь закрытых монастырей. Многие из них, несмотря на закрытие обителей, старались придерживаться в своей жизни монастырского устава. Некоторые поселялись неподалеку от обителей, зарабатывали на пропитание, подобно древним пустынникам, рукоделием, а молиться ходили в ближайшую приходскую церковь.

В начале 1931 года ОГПУ создало «дело» против монахинь Крестовоздвиженского монастыря, расположенного рядом с селом Лукино Подольского района. До революции в Крестовоздвиженском монастыре подвизалось около ста монахинь. После революции монастырь был закрыт, но монахини добились разрешения на открытие в стенах обители сельскохозяйственной артели, состоящей из бывших монастырских сестер. Таким образом монашеская жизнь продлилась здесь до 1926 года, когда монастырь был окончательно упразднен, а в его корпусах разместился дом отдыха имени Карпова. Двенадцать сестер обители и тогда не ушли отсюда, частью устроившись работать в доме отдыха, частью поселившись в соседних деревнях и

рукодельничая. Молиться все ходили в Ильинский храм в селе Лемешево. Хор при храме также состоял из инокинь и послушниц закрытых монастырей. Среди других в хоре пели послушницы Мария Брянцева и Татьяна Фомичева.

Допрошенный 13 мая 1931 года следователем ОГПУ директор дома отдыха показал, что «в бывшем монастыре, где находится сейчас дом отдыха, еще до сих пор висят колокола, кресты, стенные гравюры икон и разные церковные украшения, а за оградой монастыря находится церковь. Чем объясняется, что до сего времени не сняты колокола и монастырь не переделан в нормальный вид, трудно сказать. Однако пребывание до сего дня двенадцати монашек и их антисоветская деятельность дает основание полагать, что отсталое население окружающих деревень находилось под их влиянием и не подписывалось за снятие колоколов с монастыря. Двенадцать монашек составляют не что иное, как общину вокруг бывшего монастыря... эти двенадцать монашек имеют общение между собой, проживают при монастыре, связаны с кулацким элементом, агитируют среди крестьян против мероприятий советской власти, часто вращаясь среди крестьянства, имеют общение с отдыхающими, всячески стараясь воздействовать на них, показывая себя обманутыми советской властью».

Допрошенный следователем ОГПУ культработник дома отдыха показал: «Выскажу свое мнение о “святом” очаге вокруг церкви. Хотя я сталкивался всего два-три раза с этим очагом во время обследования местности, кладбища, церкви, и причем очень поверхностно, тем не менее я ярко ощутил именно гнездо и рассадник, враждебный нам, со своими зловеющими старухами, проклинающими нашу установку. Характерно отметить, как сильно их влияние. Девушки-крестьянки в возрасте до двадцати пяти лет, с которыми я разговаривал около церкви, веруют в Бога и на мои попытки разубедить их сначала прислушались, но скоро отмахнулись и пошли в церковь, руководимые старухами монашками. Зимой были отмечены случаи, когда отдыхающие также ходили в церковь, поэтому мое мнение таково, что нужно вообще ликвидировать этот очаг вплоть до сноса церкви».

18 мая 1931 года послушницы Мария и Татьяна были арестованы и заключены в Бутырскую тюрьму в Москве. Всего тогда было арестовано семнадцать монахинь и послушниц из различных обителей, поселившихся вблизи от закрытого Крестовоздвиженского монастыря.

Хозяйка дома в селе Лемешево, где жила послушница Татьяна, показала, что послушница занимается рукоделием, которое продает крестьянам соседних деревень, и что она настроена против мероприятий советской власти. Одна из лжесвидетельниц показала, что послушница Татьяна является ярой церковницей и ведет активную антисоветскую деятельность. Другой свидетель показал, что послушница Мария говорила крестьянам: «Зачем вам нужны колхозы и зачем идти в них, когда там делают насилие над крестьянами. Сейчас вы, крестьяне, загнаны в такой хлев, в котором никакие законы не писаны». И крестьяне будто бы закричали в ответ на слова одной из послушниц: «Правильно говорят матушки, они все же больше нашего знают».

На допросе послушница Мария сказала: «К советской власти я отношусь с презрением. Советская власть нас задушила. На Церковь коммунисты устроили гонения, закрывая храмы и требуя уплаты больших налогов. Виновной в антисоветской агитации я себя не признаю».

29 мая 1931 года тройка ОГПУ приговорила послушниц Марию и Татьяну к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь. Освободившись в 1934

году, Мария поселилась в селе Высоково, а Татьяна – в деревне Шелудьково Волоколамского района, и стали помогать в Троицком храме протоиерею Владимиру. Они были арестованы в 1937 году вместе с ним.

Допрошенные 26 ноября 1937 года, послушницы категорически отказались подтвердить обвинения, возводимые на них следователями, и не согласились никого оговаривать. 28 ноября следствие было закончено, и на следующий день тройка НКВД приговорила протоиерея Владимира к расстрелу, а послушниц Татьяну и Марию – к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь.

В это время жене отца Владимира Варваре Дмитриевне сообщили, что заключенных готовят к отправке в Москву и поезд пройдет через ближайшую от их села станцию в три часа дня. Ей сказали, что заключенных повезут в первом вагоне, который будет с решетками. Варвара Дмитриевна с детьми подошла к поезду, взяв с собой вещи, – их она полагала передать мужу. Поезд остановился, но вагон с заключенными окружила охрана, никого не подпуская к нему близко. Они стали пристально всматриваться в зарешеченные окошки и вдруг увидели, как в одном из них появилась рука и священническим благословением благословила их. Поезд стоял на станции три минуты, которые показались им одним мгновением. После отхода поезда не было сил идти назад три километра и нести вещи, предназначенные для отца Владимира. В это время подошел подросток, живший в селе Язвище, и спросил, что случилось. Они объяснили, и он помог им донести вещи до дома.

Протоиерей Владимир Медведюк был расстрелян 3 декабря 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой. Послушница Мария Брянцева после окончания срока заключения вернулась домой, а послушница Татьяна Фомичева приняла смерть в заключении.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 5. Тверь, 2001. С. 417-426.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Ноябрь». Тверь, 2003 год, стр. 182-193.